

УДК 81'37:811.112.2

Н. М. Биккулова

Лексико-грамматические средства темпоральной семантики и полевой подход к изучению их функционирования в тексте (на материале немецкого языка)

В статье рассматриваются вопросы, связанные с функционально-семантическим подходом к изучению темпоральной структуры текста, в организации которой участвуют наряду с временными формами глагола также наречия времени, между которыми происходит перераспределение функций.

Ключевые слова: текст, категория темпоральности, темпоральная структура текста, временные формы глагола, наречия времени, функционально-семантическое поле темпоральности.

Во внешней лингвистической структуре художественного текста среди других средств его организации как сложного структурно-семантического целого можно выделить лексико-грамматические единицы выражения времени, включающие временные глагольные формы и темпоральную лексику. Под темпоральной лексикой понимаются слова, имеющие временное значение в одном из своих лексико-семантических вариантов. О важности данных лексико-грамматических показателей в организации текста писали многие лингвисты. Например, В. В. Виноградов, перечисляя разные виды сцепления предложений, называл среди других грамматических средств связи формы относительных времен [6, с. 152]. А. М. Пешковский указывал, что «нередко сказуемое выражает факты, следующие друг за другом», подчеркивая тем самым, что организованная смена временных форм может быть рассмотрена как вид связи [22, с. 141]. Л. М. Лосева, характеризуя временные формы глагола как сильнейшее средство организации в рамках целого текста, подчеркивает также существенную роль лексических средств выражения времени, которые образуют структурно-смысловое ядро текста [15, с. 9].

Выдвижение текста в качестве высшего уровня лингвистических исследований обусловило возможность нового подхода к изучению грамматической категории времени. Противопоставление двух планов коммуникации в трудах Э. Бенвениста, Н. С. Поспелова, Г. Вейнриха, Э. П. Шубина лежит в основе построения дихотомической системы временных форм по атемпоральному признаку. Согласно коммуникативно-функциональному подходу, Э. Бенвенист разграничивает в парадигматической системе глагольных форм соответственно двум планам общения — историческому плану и плану речи — времена повествования и времена говорения [2, с. 271]. Г. Вейнрих в зависимости от сферы функционирования выделяет две группы грамматических времен: времена обсуждаемого и рассказываемого мира (*Tempora der besprochenen und erzählten Welt*) [32, с. 118]. Н. С. Поспелов строит семасиологическое разграничение грамматических значений в формах глагольного времени на различии между двумя планами высказывания: планом коммуникации и планом информации [23, с. 17]. М. С. Веденькова различает ситуацию рассказа и ситуацию беседы [8, с. 16], З. Я. Тураева — план непосредственного общения и план сюжета [24, с. 121]. По мнению Г. Бринкмана, «истинные функции глагольных форм времени в немецком языке заключаются вовсе не в обозначении времени, а, например, в разграничении коммуникативных планов, в выражении функциональных «срезов» языка и, наконец, в целом комплексе ситуаций, функций и отношений, среди которых темпоральность занимает самое последнее место» [28, с. 128].

После перечисленных работ может сложиться впечатление, что функции временных форм глагола в немецком языке заключаются не в обозначении времени, а в разграниче-

© Биккулова Н. М., 2015

нии коммуникативных планов. Однако, по мнению В. А. Жеребкова, «различные атемпоральные функции глагольных форм времени вовсе не снимают их темпоральных значений, поскольку функция любой грамматической формы вообще шире, чем ее значение, а значение временной формы в свою очередь шире, чем комплекс ее темпоральных значений» [12, с. 19]. В исследованиях В. А. Жеребкова теория двух коммуникативных планов получила дальнейшее развитие и обогащение. Автором осуществляется построение двойной темпоральной парадигмы времен немецкого глагола на основе темпорального и функционального признаков, исходя из контекстно-уровневого анализа последовательно усложняющихся темпоральных конструктов. Первые три темпоральных конструкта — закрытый темпоральный конструкт, невербально распространенный темпоральный конструкт и вербально распространенный темпоральный конструкт — актуализирующиеся в таких синтаксических единицах, как простое и сложное предложение, период, сложное синтаксическое целое, диалогическое единство, основываются на ситуации непосредственного общения и соответствуют плану коммуникации. Открытый темпоральный конструкт и конструкт косвенной репродукции противопоставляются первым трем как относящиеся к плану сюжета, то есть к плану информации. Значительным вкладом в разработку теории грамматической категории времени в плане ее функционирования в различных формах существования языка становится выявление В. А. Жеребковым принципов разграничения высказывания как единицы коммуникативного плана и сюжета, реализующегося в связном тексте.

В связи с разграничением двух коммуникативных планов В. А. Жеребков вводит понятие *реального* момента речи — точку отсчета времени в данном высказывании — и *лингвистического* момента речи, который является условной величиной, элементом коммуникативной модели, на которую ориентированы временные отношения сюжета. Разграничение двух планов коммуникации и введение дополнительной точки отсчета для уровня сюжета дает возможность построения двойной темпоральной парадигмы времен немецкого глагола по темпоральному и функциональному признакам. В результате контекстно-уровневого анализа выводится уровневый семантический потенциал формы времени, а в качестве конечного этапа анализа — универсальный системный инвариант временных форм немецкого глагола. В. А. Жеребковым составляется универсальная темпоральная парадигма немецкого глагола. Для авторского повествования и описания характерна следующая схема:

претерит	презенс	футурум I
плюсквамперфект	перфект	футурум II

Левый ряд (претерит — плюсквамперфект) образует претеритальную, средний (презенс — перфект) — презентальную сюжетную линию, а правый ряд (футурум I — футурум II) употребляется спорадически.

Верхний глагол каждого вертикального ряда является основной доминирующей формой, в которой ведется повествование и описание, а нижний — дополнительной, то есть функциональное распределение «нагрузки» форм, их экстенсивность находится в обратной зависимости от интенсивности их системной маркировки, это значит, что слабый член употребляется чаще, чем сильный [12, с. 184]. Текстовый подход к изучению грамматической категории времени дает возможность выявить характерное распределение и особенности функционирования временных глагольных форм в текстах с претеритальным или презентным фоном.

Основы теории и методики анализа композиционно-синтаксической роли временных форм глагола в структуре художественного произведения были заложены В. В. Вино-

градовым еще в работах 40-х годов [7, с. 75]. Глагольные формы рассматривались им в единстве их временных и видовых значений, были показаны их соотносительные функции в организации и движении повествования. Идеи В. В. Виноградова развивались в работах современных исследователей языка. Например, Л. М. Ньюбина рассмотрела темпоральную семантику презенса, дала подробную характеристику функционирования повествовательного, описательного и комментирующего презенса в претеритальном повествовании, выявила их роль в сюжетно-композиционном построении литературного произведения [20, с. 14]. М. Н. Горностаевым исследуется функционирование перфекта в претерито-перфектных контекстах и выделяются наряду с традиционными стилистическими свойствами перфекта, такими как констатация отдельных фактов, обобщение, деление повествования на смысловые отрезки, некоторые другие стилистические функции, например участие в формировании точки зрения автора [9, с. 14].

Н. Д. Марова, исследуя грамматическое время как средство выражения временной перспективы повествования, приходит к следующим выводам [16, с. 18]. Презенс не дифференцирует перспективу повествования по отношению к другим действиям. Действие, обозначаемое презенсом, происходит в каждый данный момент времени и не содержит в себе особого указания на предшествующие и последующие события. Это сужает границы авторского видения во времени, однако за счет этого может расширяться пространственная перспектива. От того, что в повествовании исчезает временная рельефность, то есть устанавливается лишь передний план изображения, любая деталь, описанная автором в презенсе, становится значимой. С одной стороны, презенс «оживляет» повествование, приближает его к читателю, с другой стороны, презенс получает вневременной, генерализирующий характер. Претерит, легко сочетаясь с любым временным лексическим или лексико-синтаксическим «переключателем», может создавать многослойную временную систему изображаемых действий и тем самым расширять границы видения. Перфект, плюсквамперфект и футурум, по мнению Н. Д. Маровой, соотнося разновременные действия, устанавливают временную рельефность изображения, благодаря чему появляется возможность архитектурного деления изображения. Перфект, плюсквамперфект и футурум используются для углубления перспективы повествования, для создания рельефности изображения и для подчеркивания некоторых важных для повествования моментов.

Как только временные формы глагола становятся составляющими текста, они приобретают дополнительные функции, отличные от их основных функций в языковой системе. З. Я. Тураева отмечает качественное своеобразие функционирования видо-временных форм в художественном тексте, которое проявляется в усложнении грамматической семантики, в реализации многозначности как одного из наиболее глубинных свойств компонентов художественного текста, в увеличении их функциональной и коммуникативной нагруженности и во многом зависит от сложной полифонической структуры художественной прозы, от существования различных подсистем текста.

В последнее время в лингвистической литературе появилось немало работ, посвященных проблеме функционирования лексических средств в структуре художественного текста. В значительной части работ объектом исследования выступает темпоральная лексика. В них освещаются как вопросы общетеоретического плана, такие как общая характеристика и классификация темпоральной лексики, так и более конкретные вопросы, касающиеся взаимодействия лексических и грамматических средств при выражении темпоральности, а также исследующие частные функции временной лексики в художественном тексте. Так, В. А. Жеребков, основываясь на межкатегориальном семантическом подходе, выделяет 14 классов темпоральной лексики и дает логико-философскую

характеристику онтологии выражаемых понятий. Единицы, входящие в данные классы, В. А. Жеребков подразделяет на *номинативные*, называющие время, и *реляционные*, указывающие на отношение к нему с точки зрения системы языка [12, с. 64]. Предлагаемая В. А. Жеребковым классификация является рациональной с точки зрения теоретического обоснования принципа классификации темпоральной лексики.

И. Г. Демченко исследует лексические (субстантивные, наречно-адъективные) средства выражения времени на основе теории грамматико-лексических полей методом лексической трансформации с применением компонентного анализа и выделяет следующие группы: уточнители временного плана и временной перспективы; уточнители временной локализации; уточнители длительности, краткости, повторяемости действия во времени. Одним из достоинств данной классификации является учет синтагматического функционирования лексических единиц [11, с. 11].

В. Д. Нефедов, отмечая дистрибутивную многозначность обстоятельств времени, то есть проявление их различных значений в зависимости от окружающего контекста, и учитывая функции обстоятельств времени как в плане содержания, так и в плане выражения, предлагает выделить следующие семантические группы: коннектирующие обстоятельства времени; обстоятельства однократности; определенно-количественные и неопределенно-количественные обстоятельства времени [19, с. 23].

С. В. Котоянц отмечает двоякую функцию обстоятельств места и времени в тексте: с одной стороны, регулярно появляясь, пространственно-временные маркеры формируют связность текста и способствуют его линейному разворачиванию, выполняя эпическую функцию, с другой — обстоятельства времени участвуют в организации смещений хронологической последовательности внутри повествования, маркируя различного рода ретроспективные и проспективные включения [14, с. 15].

Л. Р. Першина предлагает рассматривать текстовые функции обстоятельств времени дифференцированно в зависимости от того, к какому субразряду относятся обстоятельства времени [21, с. 4]. В зависимости от типа временного ориентира она различает прямой способ датировки, когда ориентиром служит темпоральный отрезок, связанный с календарным счетом времени; косвенный способ датировки, при котором ориентиром служит известное собеседникам событие; и относительный способ, когда ориентиром выступает событие, описанное в предшествующем контексте, или момент речи. Автор отмечает в качестве одной из особенностей обстоятельств времени, объединенных относительным способом датировки, то есть дейктических обстоятельств времени, их ориентированность на текст и указывает на определенное распределение ролей между дейктическими обстоятельствами и обстоятельствами, выраженными именами темпоральными.

Лексические средства номинативного и релятивного характера существенно различаются по своему функционированию в художественном тексте. Лексические средства *номинативного* или *субстантивного* характера включают:

- существительные, непосредственно обозначающие понятия времени (Jahr, Woche, Tag);
- существительные, не обладающие темпоральным значением, но приобретающие его в сочетании с предлогами (vor dem Krieg, während des Krieges, nach der Schule);
- существительные, не содержащие сему «время», но обозначающие определенные возрастные этапы в жизни человека (Kind, Junge, Schüler, Soldat).

О. И. Москальская называет данную группу автосемантическими обстоятельствами времени [18, с. 115].

Группу лексических средств *реляционного* или *релятивного* характера, включающую темпоральные наречия, О. И. Москальская называет синсемантическими обстоя-

ми времени, так как они обозначают время относительно какой-либо заданной точки отсчета. Среди синсемантических обстоятельств времени выделяются следующие группы:

- средства, указывающие на абсолютную краткость, мгновенность во времени (da, plötzlich);
- средства, сигнализирующие взаимную ориентацию двух и более величин во времени (dann, später);
- средства обозначения односторонней ориентации во времени без указания на количество времени и с указанием на его подразделение (damals, gegenwärtig, künftig);
- средства, сигнализирующие относительную близость/дальность к точке отсчета без указания на точную дистанцию близости и дальности (bald, einst).

Среди релятивных наречий можно выделить группу средств обозначения односторонней ориентации во времени, включающую, с одной стороны, наречия nun, jetzt, heute с ориентацией на «настоящее», с другой стороны, наречия damals, einst, gestern с ориентацией на «прошлое» и, наконец, наречия bald, morgen с направленностью на «будущее». Указанные наречия С. Д. Кацнельсон называет дейктическими знаками и выделяет такие отличительные признаки данных наречий, как их ситуативность, то есть смысловая зависимость от ситуации речи, и эгоцентризм, то есть постоянная отнесенность к субъекту речи [13, с. 5].

Функционирование языковых единиц разных уровней в тексте немислимо в изолированном виде, поэтому исследование их функционирования невозможно без учета взаимодействия данных единиц друг с другом. Исследование взаимодействия грамматики и лексики уходит корнями в традицию отечественного классического языкознания (А. М. Пешковский, И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. А. Шахматов, А. А. Потебня). Продолжая традиции классической науки, вопросами взаимодействия грамматики и лексики специально занимались В. В. Виноградов, И. И. Мещанинов, Л. В. Щерба. В последние десятилетия в отечественном и зарубежном языкознании утвердились особые области исследования, так называемые межуровневые, находящиеся на стыке между грамматикой и лексикой. Как пишет И. Я. Харитоновна, в гносеологическом аспекте взаимоотношения грамматики и лексики могут быть описаны в виде следующих оппозиций [26, с. 6]:

а) система — текст. Так как потенциальные свойства языковых единиц в системе проявляются в виде их линейного взаимодействия в тексте и нелинейного наложения грамматических и лексических значений в речевых сегментах, то возможно изучение, с одной стороны, системных потенциалов, а с другой — взаимодействия грамматики и лексики в акте речи и в тексте;

б) парадигматика — синтагматика. В парадигматике грамматические и лексические единицы находятся в отношении «или-или», в синтагматике обнаруживают отношения взаимодействия;

в) план выражения — план содержания. Проблема соотношения плана выражения и плана содержания предполагает установление, с одной стороны, взаимного «сотрудничества» единиц разных уровней, выражающих одно содержание, с другой стороны, — установление «многомерности» одной формы, в которой наслаиваются грамматические и лексические планы содержания;

г) взаимодействие — противодействие. Данная оппозиция, опирающаяся на философский закон о тождестве и различии, которые взаимосвязаны и взаимно предполагают друг друга, усматривает в противоречии между взаимной необходимостью и взаимной несовместимостью лексических и грамматических единиц один из законов жизни языка.

Однако перечисленные аспекты исследования грамматики и лексики не исчерпывают всех возможностей изучения проблемы. Данная проблема продолжает оставаться

актуальной, что объясняется сложностью и многоаспектностью объекта исследования и отсутствием достаточно полного и систематизированного описания вопросов взаимодействия грамматики и лексики.

В работах, посвященных взаимодействию лексических и грамматических средств при выражении категории темпоральности, отмечается функциональная недостаточность системы глагольных временных форм немецкого глагола, которая представляет собой, по выражению Г. Вейнриха, довольно неповоротливый механизм „ein recht stumpfes Werkzeug“ по сравнению с разнообразными семантическими оттенками наречий времени [32, с. 9]. А. В. Бондарко подчеркивает, что грамматическое средство создает лишь «фон», а лексические средства, накладываясь на него, выступают в качестве «спецификаторов» данного значения [3, с. 21]. Е. И. Шендельс указывает в качестве одной из особенностей лексических средств на их способность дополнять, уточнять или модифицировать грамматическое значение, не дублируя его [27, с. 101]. Однако, как пишет Е. И. Шендельс, временная лексика не только уточняет временную перспективу, но и способна перевести все высказывание из одного временного плана в другой, нейтрализуя временное значение употребляемой в предложении глагольной формы. Наречия времени и существительные темпорального значения, создающие в предложении особый лексический контекст, Е. И. Шендельс объединяет под термином «внешняя лексическая обусловленность» и рассматривает их как мощный фактор нейтрализации основного парадигматического значения глагольной формы.

В немецкоязычной лингвистической литературе также подчеркивается определяющее значение временной лексики при передаче категории темпоральности. Так, В. Флемиг пишет, что установление времени в предложении определяется не временной формой, а лексическими временными обстоятельствами, смыслом и контекстом, так как временные формы немецкого глагола не представляют собой объективной системы, потому что наряду с обозначением темпоральности они изображают действие с субъективной оценкой. Временное упорядочение действий в немецком языке осуществляется более обширно лексическими средствами или раскрывается из знания общего смысла ситуации [29, с. 3]. Г. Бринкман также считает, что временное отношение в немецком языке выражается не столько грамматическими, сколько лексическими средствами [28, с. 332]. Таким образом, вопросы, какую роль играют временные глагольные формы и лексические показатели времени при выражении временных отношений в художественном тексте и при каких условиях возможно их взаимодействие, остаются актуальными.

При исследовании функционирования лексических и грамматических единиц выражения времени в художественном тексте мы опираемся на теорию поля, так как именно полевой подход дает возможность наиболее полно объяснить особенности функционирования языковых единиц разных уровней и их взаимодействие в связном тексте. Под функционально-семантическим полем (далее ФСП) мы понимаем вслед за А. В. Бондарко «систему разноуровневых средств языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических), объединенных на основе общности и взаимодействия их семантических функций» [5, с. 22]. Понятие ФСП опирается на теорию понятийных категорий И. И. Мещанинова, который писал, что «не всякое передаваемое языком понятие является понятийной категорией. Ею становится такое понятие, которое выступает в языковом строе и получает в нем определенное построение» [17, с. 14].

В советской лингвистике полевой подход при изучении грамматических явлений успешно развивался в трудах А. В. Бондарко, Е. В. Гулыги и Е. И. Шендельс. Так, например, А. В. Бондарко вводит понятие функционально-семантической категории, под которой он понимает систему разнородных языковых средств, способных взаимодей-

ствовать при выполнении определенных семантических функций [4, с. 11]. Функционально-семантическая категория, по А. В. Бондарко, имеет план содержания, который аналогичен значению морфологических категорий, и план выражения, в который входят языковые средства, относящиеся к разным уровням (морфологические, синтаксические, словообразовательные, лексические, средства контекста). Среди прочих функционально-семантических категорий А. В. Бондарко выделяет функционально-семантическую категорию темпоральности, которая охватывает различные языковые средства выражения времени (временные формы глагола, лексические показатели времени, синтаксические конструкции).

Выделяя в структуре функционально-семантической категории центр и периферию, А. В. Бондарко придерживается принципа поля, так как теория поля специально обращает внимание на взаимопроникновение и непрерывность языковых явлений. Ядром ФСП выступает в основном морфологическая категория, так как именно в морфологической категории содержание функционально-семантической категории находит наиболее «специализированное» выражение. Морфологическая категория является высокоорганизованной, замкнутой системой, которая обладает свойством обязательности, из которой вытекает регулярность ее употребления. Между ядром и периферией ФСП существует распределение «семантической нагрузки», ядро берет на себя часть нагрузки, периферийные средства осуществляют функцию детализации и конкретизации.

Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс объединяют разнообразные средства грамматического и лексического уровня, призванные выражать и называть общие значения, связанные между собой отношениями, позволяющими установить определенные закономерности, в систему — грамматику-лексическое поле (далее ГЛП), в котором они также выделяют ядро и периферию [10, с. 7]. Ядро ГЛП темпоральности образуют временные формы глагола, которые являются универсальным и обязательным средством выражения времени. Все остальные средства более или менее факультативны, они лишь кооперируют с глагольными формами. Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс подробно рассматривают каждое микрополе, входящее в поле темпоральности, и выделяют в нем доминанту и периферийные средства. Кроме временных глагольных форм конститuentами поля времени являются лексические показатели, включающие наречия времени, существительные со значением времени, прилагательные с временным значением, образованные от наречий и существительных. Основное назначение лексических показателей состоит, считают Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс, в уточнении отношений, которые выражаются в общем виде временными формами.

В немецкоязычной лингвистической литературе полевой подход к проблеме темпоральности находит также широкое распространение. Например, Г. Штарке признает за морфологической категорией времени право быть ядром поля темпоральности, которое включает кроме того обстоятельства времени, придаточные предложения времени, словарные единицы временной семантики [31, с. 68]. Другой лингвист, В. Флемиг, рассматривает темпоральность высказывания как поддающийся сегментации семантико-синтаксический комплекс, состоящий из лексических и грамматических морфем и учитывающий прагматические, ситуативные, стилистические принципы и принципы построения текста [30, с. 138].

Впервые попытка перенести полевой подход к категориям художественного текста была предпринята З. Я. Тураевой [25, с. 83]. Автор делит категории художественного текста на две основные группы:

1) структурные, присущие тексту как лингвистическому объекту и заложенные в самой структуре текста, такие как сцепление, интеграция, прогрессия/стагнация;

2) содержательные (концептуальные), характеризующие процесс отражения в тексте объективной действительности, например образ автора, художественное время и пространство, информативность, сближающиеся с логическими категориями мышления.

Категории текста обнаруживают основные признаки, которые приписываются функционально-семантическим категориям:

1) наличие общих инвариантных семантических функций у элементов, образующих данную группировку;

2) взаимодействие не только однородных, но и разнородных элементов, в частности лексических, морфологических и синтаксических;

3) структура, в которой определенную роль играет членение на центр/периферию и постепенные переходы между компонентами.

Категории текста, подобно функционально-семантическим категориям, представляют собой широкие сферы разнородных элементов различных уровней, взаимодействующих при выполнении определенных семантических функций. Однако если функционально-семантические категории, выделяемые традиционно в языке, такие как темпоральность, аспектуальность, модальность, залоговость, персональность, относятся к языковому миру, как бы интегрирующему логический и лингвистический мир, то категории художественного текста относятся к эстетическому миру идеальной действительности. Правомерность использования теории поля при описании категории художественного времени обуславливается участием в передаче временных отношений в тексте разноуровневых единиц, объединенных общностью семантических функций.

Категория художественного времени находит свое языковое воплощение в темпоральной структуре текста, под которой понимается сеть отношений, связывающая языковые элементы, включающиеся в передачу временных отношений и объединенные функциональной и семантической общностью [25, с. 86]. Очевидно, при участии в формировании темпоральной структуры художественного текста единицы разных уровней могут проявлять некоторые схожие и отличные черты. Становясь компонентами текста, языковые знаки, в частности лексические и грамматические единицы, приобретают семантические функции, нередко выходящие за рамки функций, закрепленных за ними в языковой системе, что является отражением асимметрии между планом выражения и планом содержания, так как в языке возникает необходимость передачи неограниченного круга понятий с помощью конечного инвентаря языковых средств.

Список использованной литературы

1. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Учебник. Практикум. М. : Флинта : Наука, 2006. 496 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика / под ред. Ю. С. Степанова. М. : Прогресс, 1974. 447 с.
3. Бондарко А. В. Система времен русского глагола в связи с проблемой функционально-семантических и грамматических категорий : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1968. 36 с.
4. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л. : Наука, 1971. 115 с.
5. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л. : Наука, 1984. 136 с.
6. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М. : Высшая школа, 1971. 238 с.
7. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. Избранные труды. М. : Наука, 1980. 360 с.
8. Веденькова М. С. Система глагольных времен и два плана речевого высказывания в современном немецком языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984. 40 с.
9. Горностаев М. Н. Грамматическая семантика перфекта и его стилистические функции в немецкой художественной прозе XIX—XX вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981. 18 с.
10. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М. : Просвещение, 1969. 184 с.

11. Демченко И. Г. Лексические уточнители временных отношений в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. 18 с.
12. Жеребков В. А. Опыт описания грамматической категории времени в системе немецкого глагола. Калинин : КГПИ, 1970. 198 с.
13. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М. ; Л., 1965. 109 с.
14. Котоянц С. В. Обстоятельства места и времени в локально-временной детерминированности художественного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983. 21 с.
15. Лосева Л. М. Межфразовая связь в текстах монологической речи : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Одесса, 1969. 36 с.
16. Марова Н. Д. Грамматическое время как средство выражения временной перспективы повествования // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Ученые записки Свердловского пед. ин-та. Свердловск, 1974. С. 15—26.
17. Мещанинов И. И. Понятийные категории в языке // Труды Военного института иностранных языков. 1945. № 1. С. 10—19.
18. Москальская О. И. Грамматика текста. М. : Высшая школа, 1981. 182 с.
19. Нефедов В. Д. К вопросу о выделении семантических разрядов обстоятельства времени в современном немецком языке // Вопросы грамматики и стилистики немецкого языка. Калинин : Калинин. ун-т, 1972. С. 23—34.
20. Нюбина Л. М. Роль грамматической формы настоящего времени в сюжетно-композиционной структуре художественного текста (на материале произведений короткого жанра) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980. 18 с.
21. Першина Л. Р. Состав обстоятельств времени и их функционирование в повествовательном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1982. 23 с.
22. Пешковский А. М. Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений? // Избранные труды. М., 1959. 230 с.
23. Поспелов Н. С. О двух рядах грамматических значений глагольных форм времени в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1966. № 2. С. 17—29.
24. Тураева З. Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка). М. : Высшая школа, 1979. 219 с.
25. Тураева З. Я. Лингвистика текста. М. : Просвещение, 1986. 126 с.
26. Харитонова И. Я. Вопросы взаимодействия лексики и грамматики (на материале немецкого языка). Киев : Вища школа, 1982. 158 с.
27. Шендельс Е. И. Взаимодействие между лексическими и грамматическими значениями // Иностранные языки в школе. 1962. № 4. С. 92—102.
28. Brinkman H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Düsseldorf : Schwann-Verlag, 1962. 654 S.
29. Flämig W. Zur Funktion des Verbs. Tempus und Temporalität // Deutsch als Fremdsprache. 1964. H. 4. S. 1—8.
30. Flämig W. Skizze der deutschen Grammatik. Berlin : Volk und Wissen, 1972. 376 S.
31. Starke G. Zur sprachlichen Wiedergabe temporaler Beziehungen // Sprachpflege. 1978. Jg. 27. H. 4. S. 68—70.
32. Weinrich H. Tempus. Besprochene und erzählte Welt. Stuttgart : Kohlhammer-Verlag, 1971. 358 S.

Поступила в редакцию 05.03.2015 г.

Биккулова Нурия Мингазетдиновна, кандидат филологических наук, доцент
Оренбургский государственный педагогический университет
Российская Федерация, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: ospu-lmz@yandex.ru

UDC 81'37:811.112.2

N. M. Bikkulova

Lexical-grammatical means of temporal semantics and the field approach to the study of their functioning in the text (on the materials of German)

The article deals with problems related to the functional-semantic approach to the study of the temporal structure of the text. In its arrangement both the tense forms of the verb and the adverbs of time are involved, between which the redistribution of functions can be observed.

Key words: text, temporality category, temporal structure of the text, tense forms of the verb, adverbs of time, functional-semantic field of temporality.

Bikkulova Nuriya Mingazetdinovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Orenburg State Pedagogical University
Russian Federation, 460014, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: ospu-lmz@yandex.ru